

НГ-фото

Ажиотаж вокруг рояля

Общедоступно - 1997 - 3-900000 - с. 11.

26 июня пианисту Евгению Кисину был вручен «Золотой эльф» — символ Российской независимой премии поощрения высших достижений литературы и искусства «Триумф». В минувшие пятницу и понедельник 25-летний лауреат дал сольные концерты в Большом зале московской Консерватории.

Большинство музыкантов восходят к славе по ступенькам традиционной лестницы: школа—училище—вуз—конкурс. Кисин воспарил, словно ангел, к музыкальным высям еще в детстве. Точнее, он пребывал там всегда. Чудо-ребенок начал играть на рояле в два года, в шесть поступил учиться в Гнесинскую музыкальную школу к педагогу Анне Павловне Кантор. Школы и педагога ему оказалось достаточно на всю жизнь. Как говорит сам Евгений, «с Анной Павловной я занимаюсь 20 лет, и всему, что я умею делать на рояле, научила она».

На сцену Большого зала вышел в 10 лет. Но он никогда не играл «по-детски» или «по-юношески». Когда ему было пятнадцать, наши критики попрекали: не хватает, мол, мужественности. А он просто играл по-своему, как слышал и чувствовал. Кто знал Женю в том возрасте, утверждают, что он во всем был дотошно-профессионален, даже в игре в шахматы или бадминтон. Человек руководствовался какими-то необщепринятыми в нашем обществе ценностями и потому из жизни выпадал. Однажды Кисин вместе со сверстником-скрипачом Вадимом Репиным выступили на открытии конкурса имени Чайковского (это была затея секретаря Союза композиторов Тихона Хренникова), и стало ясно, что оба никогда не будут участвовать в подобном соревновании, — они живут в более высокой музыкальной реальности. В той, где жил, например, великий дирижер Герберт фон Караян, предоживший тринадцатилетнему мальчику серию концертов со своим оркестром.

Пять лет Евгения Кисина не было в России. Он ничего не потерял за это время — у него были бесконечные гастроли, записи, высшие музыкальные премии и звания, лучшие в мире залы, ор-

кестры, дирижеры. Потеряли мы, потому что пять лет не слышали гения.

Кажется, давно не содрогался Большой зал от такого шквала оваций. И VIРовский партер («от \$ 50»), и почтенный 1-й, и дешевый 2-й амфитеатры стояли перед Евгением Кисиным. В нем несколько не убыло того божественного дара, которым он увлекал слушателей. Это стало ясно на первом же аккорде Чакони Баха—Бузони. Потом — в «Крейслериане» и Токкате Шумана, в Прелюдии, Хорале и Фуге Франка, в Этюдах Листа было все — нежность и сила, ум и темперамент, тончайшие краски и запредельная виртуозность. Было озорство «Военного марша» Шуберта — как ответ московскому военкомату, пытавшемуся призвать музыканта в армию. Было невозможное даже для Большого зала *pianissimo* в Мазурке Шопена — ее последний звук истаял где-то у барельефа Рубинштейна. Была отчаянная беглость пальцев в «Вечном движении» Вебера, заставившая подумать о несовершенстве клавишно-молоточкового механизма рояля. Чего не было, так это хотя бы одного неискреннего звука.

Отвечая на вопросы корреспондента «ОГ», Евгений сказал, что он выбрал то, что ему сейчас более всего удастся, что есть лучшего в его репертуаре.

— Мне хотелось показать себя как музыканта московской публике, — говорит артист. — Вель на концерты пришли люди, которые помнят меня и все эти годы следили за моим развитием. Я не беру на себя смелость утверждать, что мне удастся передать все, что заложено в музыке. Что-то удастся. Лучше или хуже — пусть судят читатели вашей газеты и все слушатели. Конечно, я был оторван от московской музыкальной жизни. Но не от русской музыки — ее я много играл в концертах, записал Первый и Третий концерты Рахманинова с Клаудио Аббадо. Я почувствовал, что московская публика сохранила душевное тепло, которое я помню по моим ранним выступлениям. К сожалению, за неделю, прожитую здесь, почти не видел Москвы, не встречался с друзьями — все время было занято подготовкой к концертам. Но в гнесинскую школу зайду непременно. И обязательно приеду в сентябре на празднование 850-летия Москвы. А следующая гастроль возможна только в конце декабря 1998 года.

Александр ТРУШИН